

Волчица

М. Кудимовой

Когда пространство ополчится
и горечь претворится в ночь,
грядёт тамбовская волчица —
одна — товарищу помочь.

И на рассерженны просторы,
где дух возмездья не зачах,
но искорёженны которы,
глядит с решимостью в очах.

Гнетёт серебряные брови
и дыбит огненную шерсть,
и слово, полное любви,
в ней пробуждается, как весть.

«Почто, безпечный мой товарищ,
ты был расслаблен, вял и снул!
Покуда тварь не отоваришь,
не размыкай железных скул!

Сжимай — до вражьего издоха —
любви победные клыки!»
Кровава хворая эпоха,
но лапы верные — легки.

Тапочки Серафима

Песенка

Протоиерею Николаю Германскому

Серафим по фамилии Тяпочкин
был обычный на вид серафим.
Хоть носил он обычные тапочки,
свет нездешний струился над ним.

Проживал он в посёлке Ракитное,
возле яблоньки, в малом доме,
и невидное небо блакитное
было видно ему одному.

Приближались дали бездонные
от доселе неведанных слов,
и слетались мы, птахи бездомные,
на прокорм — к Серафиму под кров.

Кто старался у домика этого,
тот такую калитку открыл! —
в обиталище света всепетого,
в помаванье немислимых крыл.

Не ослабились узы нисколечко
на просторе пустом и потом,
когда лёг возле храма Никольского
Серафим под дубовым крестом.

В огородиках тяпают тяпочки,
я за тяпочку тоже берусь...
И хранит серафимовы тапочки
слободская засечная Русь.

* * *

Сквозь муку несоединенья
мы продираемся, бойцы
подпольного соединенья,
стараясь не отдать концы.

Нам выдали нагрузку к счастью —
таскать разлуки кирпичи,
но эти испытанья, к счастью,
сгорают в раненой печи.

И ты выносишь эту ношу —
так трудный груз несёт вода —
и шепчешь: я тебя не брошу,
тебя не брошу никогда.

* * *

Дышит ветер неспешный, заветный,
овевая невидимый сад.
Ходит тихо Господь безответный
посреди обезумевших стад.

Никакого им сада не надо
и не надо для сада рассад,
потому что рассада для ада
им отградней, как собственно ад.

Потому что не кущи, а рощи
разрастаются в тёплой крови.
Потому что бездумней и проще,
и привычнее жить без любви.